

Научная статья
[https://doi.org/ 10.23672/SAE.2023.11.11.029](https://doi.org/10.23672/SAE.2023.11.11.029)
УДК 343.01

МОРАЛЬ И УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА: ОПЫТ МОДЕЛИРОВАНИЯ

Чирков Ф.В.

*Адыгейский государственный университет;
Кубанский государственный университет*

Аннотация. *Цель. Оценить влияние государственной политики по укреплению и защите традиционных ценностей на содержание и тенденции развития российской уголовной политики.*

Задачи. Определить теоретические модели уголовной политики в зависимости от потенциально возможных подходов к решению вопроса о соотношении уголовного права и морали; соотнести реализуемый в России уголовно-политический курс с выявленными моделями; определить перспективы развития российской уголовной политики в связи с реализацией государственной политики по защите традиционных ценностей.

Методы. В работе реализованы гносеологические возможности методов типологии и моделирования, критического и документального анализа, прогнозирования.

Результаты. Рассмотрены проблемы моделирования уголовной политики в зависимости от соотношения уголовного права и морали; описаны основные черты монистической и дуалистической модели уголовной политики, различающиеся решением вопроса о криминализации посягательств на моральные ценности и возможности использования уголовного закона для корректировки ценностных ориентиров общества; делается вывод о том, что утверждение системы российских традиционных духовно-нравственных ценностей призвано активизировать моральный компонент российской уголовной политики.

Вывод. Монистическая и дуалистическая модели уголовной политики никогда в чистом виде не воплощались на практике, предполагая различную конфигурацию правовых и политических решений, однако современный вектор уголовной политики России ориентирован в направлении большего учета преимуществ, создаваемых в рамках монистической модели взаимодействия морали и уголовного права.

Ключевые слова: *уголовная политика, традиционные ценности, мораль, моделирование, юридический морализм, юридический позитивизм.*

MORALITY AND CRIMINAL POLICY: MODELING EXPERIENCE

Philip V. Chirkov

*Adygea State University;
Kuban State University*

Abstract. *Objective. To assess the impact of state policy to strengthen and protect traditional values on the content and trends in the development of Russian criminal policy.*

Tasks. To determine theoretical models of criminal policy depending on potentially possible approaches to solving the problem of the correlation of criminal law and morality; to correlate the criminal policy course implemented in Russia with the identified models; to determine the prospects

for the development of Russian criminal policy in connection with the implementation of state policy for the protection of traditional values.

Methods. The work implements the epistemological possibilities of typology and modeling methods, critical and documentary analysis, forecasting.

Results. The problems of modeling criminal policy depending on the ratio of criminal law and morality are considered; the main features of the monistic and dualistic models of criminal policy are described, differing in the solution of the issue of criminalization of encroachments on moral values and the possibility of using criminal law to adjust the value orientations of society; it is concluded that the approval of the system of Russian traditional spiritual and moral values It is intended to activate the moral component of the Russian criminal policy.

Conclusions. The monistic and dualistic models of criminal policy have never been put into practice in their pure form, assuming a different configuration of legal and political decisions, however, the modern vector of Russian criminal policy is oriented towards greater consideration of the advantages created within the framework of the monistic model of interaction between morality and criminal law.

Keywords: *criminal policy, traditional values, morality, modeling, legal moralism, legal positivism*

Введение.

Природная связь, господствующей в обществе морали и уголовного права, хотя и не оспаривается в науке, тем не менее, порождает глубокую и содержательную дискуссию о взаимосвязи этих двух нормативных систем.

Основной корпус вопросов в данном случае состоит (неисчерпывающим образом) в следующем:

Может ли и должно ли уголовное право защищать собственными средствами моральные установления?

Оправдано ли применение уголовного закона для поддержания морального единства общества и возможно ли такое поддержание в принципе?

Может ли, должно ли уголовное право стать средством морального совершенствования личности и привития ей некоей системы ценностей?

В рамках данной публикации, едва ли возможно дать полноценный анализ всего комплекса этих проблем. Однако некоторые значимые для по-

нимания сути нравственной уголовной политики соображения высказать необходимо.

Обсуждение.

Для начала, отметим в качестве исходной точки рассуждений общее согласие всех специалистов в том, что уголовный закон должен быть нравственным:

- отражать определенную систему ценностей, основываться на ней и защищать ее. «Уголовное право априори не может пребывать вне ценностного контекста» [1, с. 73];

- «государство ... должно отразить в праве основной стержень нравственной жизни, представляющий собой определенный минимум нравственных требований» [2, с. 19];

- «отсутствие связи между законом и моральными установками социума ослабляет социальную мощь законодательных норм» [3, с. 35, 36];

- «в сближении правовых и нравственных норм и достигается социальная справедливость, и поэтому

нельзя нарушать баланс нравственно-го и правового регулирования общественных отношений» [4, с. 287];

- «эффективность уголовной политики находится в прямой зависимости от того, насколько при ее реализации учитывается система культурных ценностей» [5, с. 123], - вот характерные суждения. Едва ли с ними можно спорить.

Но за этими общими формулами согласие специалистов не столь однозначно, что позволяет в предельно обобщенном виде две модели взаимных отношений уголовного права и морали (моральных ценностей).

Первая, условно назовем ее «монистической», исходит из признания безусловного приоритета моральных ценностей над ценностями права и необходимости, в связи с этим, поставить уголовное право на службу защиты моральных норм. В зарубежной литературе она известна под именем «концепции юридического морализма», которая предполагает, что моральные ценности могут поддерживаться с помощью права и тем самым обеспечиваться его принудительной силой. Общество, без какого-либо общего набора моральных убеждений, полагал П. Девлин, обречено на крах.

Следовательно, задача уголовного права состоит в том, чтобы силой поддерживать общие социальные нормы в качестве способа укрепления социальной сплоченности [6]. Отсюда вытекает убежденность в том, что криминализация того или иного деяния зависит от аморальности поступка [7, р. 53]. При этом «позитивные мо-

ралисты» полагают, что аморальность поступка дает веские основания для одобрения его криминализации, а «негативные моралисты» исходят из обратного: государство не должно криминализировать поведение, если оно не является аморальным [8, с. 44].

В отечественной науке этот подход нашел выражение в признании аморальности одним из важнейших признаков преступления. Ряд крупнейших отраслевых специалистов (Н.Д. Дурманов, Н.Ф. Кузнецова) настаивали на том, что преступление, в то же самое время, является аморальным поступком, хотя степень морального осуждения различных преступлений может быть и не одинаковой [9, с. 243; 10, с. 57].

Поддержка уголовным правом моральных ценностей в интересах сплоченности общества основывается также на дюркгеймовской интерпретации преступления и преступности. «Преступление ... представляет собой действие, оскорбляющее известные коллективные чувства, наделенные особой энергией и отчетливостью»; «для того, чтобы коллективные чувства, которым покровительствует уголовное право данного народа в данный момент его истории, проникли в сознания, до тех пор для них закрытые, или получили бы большую власть там, где до той поры у них ее не было достаточно, нужно, чтобы они приобрели большую интенсивность, чем та, которая у них была раньше» [11, с. 73 – 82].

Следовательно, одна из важных социальных функций преступности –

демонстрация общезначимых ценностей и обеспечение социальной сплоченности общества в процессе коллективного осуждения нарушителей социальных и моральных норм.

Уголовное право, таким образом, не только фиксирует моральные нормы, но и обеспечивает коллективное принуждение к их исполнению. Однако поскольку это принуждение осуществляется *post factum*, то есть, после совершения преступления, его эффективность не может быть достаточной. Это обуславливает в рамках рассматриваемой концепции возможность усиления ранней профилактической функции уголовного права за счет конструирования уголовно-правовых запретов преимущественно в целях общей превенции и реализации идеи уголовно-правового воспитания.

Глубокое и оригинальное исследование проблем уголовно-правового воспитания при этом привело Л.Е. Владимирову к выводам о допустимости признания преступлениями нарушения моральных обязанностей не только по отношению к обществу и другим людям, но и по отношению к самому себе, а равно - возможности криминализации не только нарушения моральных запретов, но и неисполнения моральных обязанностей. Отстаивал Л.Е. Владимиров и подчеркнуто воспитательную, морализующую функцию уголовного наказания. В качестве некоего обобщающего вывода можно привести его утверждение о том, что «нравственное воспитание народа как цель уголовного правосу-

дия, должно понимаемо как воспитание не только тех, чья недостаточность, в этом отношении, сказалась в совершенном ими преступлении, но и целого народа вообще, на который вся деятельность уголовного правосудия оказывает огромное влияние. Ни в какой другой области государство не является в такой степени важным воспитателем народа, как в области уголовного правосудия» [12, с. 75].

Такой подход к решению моральных проблем средствами уголовного права восходит к идее государственного патернализма, оправдывающего обязанности государства по обеспечению лучшей жизни его граждан. В этом случае, роль уголовного права усматривается, среди прочего, еще и в том, чтобы сделать людей хорошими, дать людям возможность действовать добродетельно и творить добро [13].

Вторая модель взаимоотношений уголовного права и морали, условно назовем ее «дуалистической», не отрицая как таковой связи морали и права, основана на признании их относительной автономности и крайне опосредованного влияния как морали на уголовный закон, так и уголовного закона на мораль.

В современных дискуссиях основные положения данной модели раскрываются в контексте известных дебатов П. Девлина и Г. Харта, возникших по поводу доклада комитета Волфендена относительно возможной декриминализации некоторых сексуальных действий в Великобритании, в связи с тем, что «частная безнрав-

ственность не относится к сфере уголовного права».

Г. Харт последовательно критиковал позицию П. Девлина, отстаивающего право государства на наказание аморальных поступков в интересах обеспечения моральной сплоченности общества. Наиболее спорными положениями его теории он признавал при этом: бездоказательное представление об опасности социальной дезинтеграции из-за ненаказуемой законом аморальности, уподобление аморальности подрывной деятельности и измене, некритичное принятие любой общественной морали, защиту господствующей в обществе моральной системы от критики, ее непоколебимость и неизменность [14]. Сам Г. Харт не отрицал, что уголовное право обеспечивает или должно обеспечивать соблюдение морали, но отрицал, что уголовное право должно обеспечивать соблюдение морали, когда запрещенное им поведение не является вредным. «Должен быть некоторый критерий «вреда», независимый от (предполагаемой) аморальности поведения», - писал он [15, с. 7]. Он также указывал, что даже если общественная мораль поддерживается «подавляющим большинством» или характеризуется широко распространенными «нетерпимостью, возмущением и отвращением», верность демократическим принципам не оправдывает навязывание ее меньшинству.

Истоки этой концепции усматриваются еще в утверждении Ч. Беккариа о том, что «единственным и истинным мерилom преступлений явля-

ется вред, который они приносят нации» [16, с. 97]. Но, пожалуй, наиболее ярко эта мысль сформулирована Д. Миллем: «Человек не может быть по справедливости принужден сделать что-нибудь или воздержаться от какого-нибудь действия потому, что делает его счастливее, - потому что, по мнению других, поступать так – значит поступать мудро или даже справедливо. Все это будет прекрасным основанием, чтобы уговаривать его, спорить с ним, убеждать его или пугать его, но тут нет еще достаточно основания принуждать его или причинить ему зло в случае, если он поступает иначе. Оправдать это можно только тогда, если поступок, от совершения которого желательно бы отворотить человека, был рассчитан с тем, чтобы сделать вред другому» [17, с. 15].

Перенос акцентов с аморальности преступления на его вредоносность имеет глубокие уголовно-политические последствия и вполне определенное политико-философское основание. Он сопровождается признанием зыбкости и эфемерности феномена единой общественной морали, констатацией наличия в обществе множества конкурирующих моральных систем, каждая из которых вполне может стать моралью «господствующего класса». Такое разделение «общественной морали» и «государственной идеологии» приводит к утверждению автономии личности от государства, признанию личности самостоятельной и ответственной единицей, не нуждающейся в государственном па-

тронаже, но требующей от государства лишь обеспечения безопасности и собственной свободы.

Уголовная политика, развиваемая в русле рассматриваемой модели, не допускает знака равенства между аморальным поступком и преступлением. «Преступное не может и не должно быть отождествлено с безнравственным, - писал Н.С. Таганцев, - такое отождествление, как свидетельствуют горькие уроки истории, ставило правосудие на ложную стезю, вносило в область карательной деятельности государства преследование идей, убеждений, страстей и пороков, заставляло земное правосудие присваивать себе атрибуты суда совести» [18, с. 40].

Не допускается здесь работа в направлении уголовно-правовой поддержки морального консенсуса. Федеральный Конституционный суд Германии в деле о признании не соответствующим Основному закону положений ст. 217 Уголовного Уложения ФРГ, устанавливавшего ответственность за профессиональное содействие в самоубийстве самоубийстве, указал: «Сохранение фактически существующего или предполагаемого консенсуса в отношении ценностей или моральных концепций не может быть непосредственной целью уголовно-правовой деятельности» [8, с. 45].

Отсюда – цель уголовного права в рассматриваемой модели состоит не столько в обеспечении морального единства общества, сколько в правовой (силовой) поддержке реализуемого в стране политико-правового курса,

отражающего нравственные представления наделенной политической властью социальной группы. «Общество, основанное на концепции индивидуализма и свободы, никогда не введет уголовную ответственность за нарушение норм морали», поскольку «процесс криминализации носит, в первую очередь, политический характер» [8, с. 45].

В социологическом и политологическом отношении эта модель тяготеет к рассуждениям М Фуко о том, что преступление есть не более чем нарушение порядка, а уголовное право есть лишь один из инструментов поддержания дисциплины в обществе. Наказание, в его концепции, есть лишь «политическая тактика», а уголовное правосудие – «инструмент дифференцирующего контроля». «Юристы и судьи, - писал он, - могут говорить что угодно, но уголовное правосудие со всем его зрелищным аппаратом призвано удовлетворять повседневные запросы машины надзора, наполовину погруженной в тень, где происходит сцепление полиции и делинквентности» [19, с. 36, 414, 415].

При таком подходе, вопрос о нравственности уголовного закона уходит далеко на второй план. Х.Д. Аликперов, например, на вопрос о том, может ли уголовный закон быть нравственным, прямо дает однозначный ответ – «нет», и утверждает: «Нет и не может быть нравственно совершенного уголовного закона... Не следует стремиться превратить уголовный закон в камертон нравствен-

ности. Единственное, что может сделать законодатель в этом направлении, это регулярно проводить ревизию норм УК РФ на предмет их соответствия нравственным императивам и по мере выявления таких норм устранять их из текста закона, но без ущерба фундаментальным целям уголовной политики в противодействии преступности» [20, с. 43, 47].

Результаты.

Две представленные модели взаимных отношений морали и уголовного права предполагают соответственно и две модели уголовной политики, учитывающие в своем основании различающееся отношение к преступлению как к морально неоправданному социальному злу либо как к искусственной конструкции, созданной в целях социального контроля, различающееся отношение к вопросу о допустимости и пределах моральной критики права в рамках «юридического морализма» и «юридического позитивизма», а также различающееся отношение к вопросу о соотношении личности и государства в рамках концепций государственного патернализма и либеральной автономии личности.

Как и любые теоретические модели, они в пределах допустимого сознательно игнорируют некоторые оттенки и нюансы, никогда в «чистом виде» не были воплощены в уголовно-политической практике, и потенциально не являются несовместимыми. Особенно важно, что эти модели не могут и не должны быть анализируемы в контексте соотношения понятий

«моральность – аморальность», «хорошо – плохо», «правильно – неправильно».

Любая реальная практика, как известно, шире и разнообразнее теоретических построений. Государство (в том числе и российское) всегда имело возможность совмещать отдельные положения этих моделей в своем законодательстве, формируя уникальный набор политико-правовых решений в сложном вопросе соотношения уголовного права и морали. И, тем не менее, некоторый тон уголовной политике, некоторые обобщенные черты всегда придавало довлеющее влияние либо одной, либо другой модели.

Утверждение Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, как представляется, призвано внести свою лепту в формирование образа взаимодействия уголовного права и морали. И хотя в самих Основах (п. 10) утверждается, что государственная политика по сохранению и укреплению традиционных ценностей реализуется в области образования и воспитания, работы с молодежью, культуры, науки, межнациональных и межрелигиозных отношений, средств массовой информации и массовых коммуникаций, международного сотрудничества, отрицать роль уголовного права в поддержке и реализации этой политики невозможно, равно как невозможно отрицать влияние политики ценностей на политику уголовную. Не случайно сами Основы (абз. «ж» п. 19) признают, что решение

проблем в области сохранения и укрепления традиционных ценностей должно осуществляться, в том числе путем совершенствования деятельности правоохранительных органов по профилактике и пресечению противоправных действий. Напомним также, что укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей отнесено Стратегией национальной безопасности 2021 года (абз. 7 п. 25) к разряду национальных интересов российского государства, а защита национальных интересов всегда составляет неотъемлемую характеристику уголовной политики.

Таким образом, будет справедливым утверждать, что в силу принципа единства государственной политики, официальное обращение государства к защите традиционных ценностей должно иметь своим непосредственным следствием корректировку реализуемого в стране уголовно-политического курса.

Оценивая перспективы современной российской уголовной политики в контексте того влияния, которое на нее призвано оказать утверждение Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, считаем возможным заметить, что пафос такого влияния должен быть направлен на то, чтобы обеспечить более тесное соприкосновение уголовного права и морали, причем в духе изложенной выше монистической модели. Уголовное право должно не просто подклю-

чаться к защите моральных ценностей общества, но и служить средством поддержки таких государственно значимых задач, как преодоление разобщенности и поляризации общества, укрепление гражданского единства, обеспечение единства нашей многонациональной и многоконфессиональной страны, укрепление культурного единства страны.

Заключение.

В решении вопроса о соотношении морали и уголовного права теоретически мыслимы две модели (монистическая и дуалистическая), имеющие в своем основании различающееся отношение к преступлению как к морально неоправданному социальному злу либо как к искусственной конструкции, созданной в целях социального контроля, различающиеся отношением к вопросу о допустимости и пределах моральной критики права в рамках «юридического морализма» и «юридического позитивизма», а также различающиеся отношением к вопросу о соотношении личности и государства в рамках концепций государственного патернализма и либеральной автономии личности; эти модели никогда в чистом виде не воплощались в уголовно-политической практике, предполагая различную конфигурацию уголовно-политических решений, однако современный вектор уголовной политики России ориентирован в направлении большего учета преимуществ, создаваемых в рамках монистической модели взаимодействия морали и уголовного права.

Конфликт интересов

Conflict of Interest

Не указан.

None declared.

Рецензия

Review

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Бочкарев С.А. Аксиология уголовного права: введение в тему и проблемы ее становления // *Российский журнал правовых исследований*. – 2015. – Т. 2, № 4(5). – С. 73 – 80.
2. Тасаков С.В. Нравственные основы норм уголовного права о преступлениях против личности. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. – 315 с.
3. Аношенкова С.В. Механизм легитимации норм морали (уголовно-правовой аспект) // *Lex Russica*. – 2016. – № 8 (117). – С. 33 – 47.
4. Курсаев А.В., Терехов А.Ю. О некоторых вопросах учета этических правил при конструировании уголовно-правовых норм // *Вестник Казанского юридического института МВД России*. – 2019. – Т. 10, № 3. – С. 283 – 289.
5. Библик О.Н. Роль культурных ценностей в уголовно-правовом регулировании // *Вестник Омского университета. Серия «Право»*. – 2009. – № 2 (19). – С. 122 – 129.
6. Devlin P. *The Enforcement of Morals*. Oxford: Oxford University Press, 1965. – 139 p.
7. Duff A. *The realm of criminal law. Criminalization*. – Oxford: Oxford University Press, 2018. – 373 p.
8. Козаченко И.Я., Сергеев Д.Н. Должно ли уголовное право обеспечивать принудительность моральных запретов? // *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. – 2022. – № 14 (1). – С. 40 – 49.
9. Дурманов Н.Д. *Понятие преступления*. – М. – Л.: Изд-во и 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1948. – 311 с.
10. Кузнецова Н.Ф. *Уголовное право и мораль*. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1967. – 104 с.
11. Дюркгейм Э. *Метод социологии*. – Киев-Харьков: Южно-русское книгоиздательство Ф. Иогансона, 1899. – 153 с.
12. Владимиров Л.Е. *Уголовный законодатель как воспитатель народа*. – М.: Т-во скоропеч. А.А. Левенсон, 1903. – С. 244 с.
13. Foster C., Herring J. *The Law as a Moral Agent: Making People Good*. – Cham: Springer International Publishing, 2021. – P. 49 – 62.
14. Stewart H. *Legality and Morality in H.L.A. Hart's Theory of Criminal Law* // *SMU Law Review*. – 1999. – Vol. 52, № 1. – P. 211 – 218.
15. Харт Г.Л. *Право, свобода и мораль* / пер. с англ. С. Мусеева. – М.: Издательство Института Гайдара; 2020. – 136 с.
16. Беккариа Ч. *О преступлениях и наказаниях* / сост. и предисл. В.С. Овчинского. – М.: Инфра-М, 2004. – 184 с.
17. Милль Д. *О свободе*. – М.: Юрайт, 2023. – 128 с.
18. Таганцев Н.С. *Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. В 2 т., Т. 1*. – 2-е изд., пересмотр. и доп. – СПб.: Гос. тип., 1902. – 823 с.
19. Фуко М. *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы* / пер. с фр. В. Наумова; под ред. И. Борисовой. – М.: Ad Marginem, 1999. – 479 с.

20. Аликперов Х.Д. *Может ли уголовный закон быть нравственным* // *Уголовный закон и нравственность: сб. мат. междунаrod. науч. -практ. конф. (Москва, 29 сентября 2021 г.) / отв. ред. Т.Я. Хабриева. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИД Юриспруденция, 2022. – С. 41 – 47.*

References:

1. *Bochkarev S.A. Axiology of criminal law: introduction to the topic and problems of its formation // Russian Journal of Legal Studies. - 2015. – Vol. 2, No. 4(5). – pp. 73-80.*
2. *Tasakov S.V. Moral foundations of criminal law norms on crimes against the person. – St. Petersburg: Law Center Press, 2008. – 315 p.*
3. *Anoshenkova S.V. Mechanism of legitimization of moral norms (criminal-legal aspect) // Lex Russica. – 2016. – № 8 (117). – Pp. 33-47.*
4. *Kursaev A.V., Terekhov A.Yu. On some issues of taking into account ethical rules in the construction of criminal law norms // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2019. – Vol. 10, No. 3. – p. 283 – 289.*
5. *Bibik O.N. The role of cultural values in criminal law regulation // Bulletin of Omsk University. The series "Law". – 2009. – № 2 (19). – Pp. 122 – 129.*
6. *Devlin P. The Enforcement of Morals. Oxford: Oxford University Press, 1965. – 139 p.*
7. *Duff A. The realm of criminal law. Criminalization. – Oxford: Oxford University Press, 2018. – 373 p.*
8. *Kozachenko I.Ya., Sergeev D.N. Should criminal law enforce moral prohibitions? // Legal Bulletin of the Kuban State University. – 2022. – № 14 (1). – Pp. 40-49.*
9. *Durmanov N.D. The concept of crime. – M. – L.: Publishing house and 2nd type. Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1948. – 311 p.*
10. *Kuznetsova N.F. Criminal law and morality. – Moscow: Publishing House of Moscow. un-ta, 1967. – 104 p.*
11. *Durkheim E. Method of sociology. – Kiev-Kharkiv: South Russian Publishing House F. Johanson, 1899. – 153 p.*
12. *Vladimirov L.E. Criminal legislator as educator of the people. – M.: T-in skoropech. A.A. Levenson, 1903. – p. 244 p.*
13. *Foster C., Herring J. The Law as a Moral Agent: Making People Good. – Cham: Springer International Publishing, 2021. – P. 49 – 62.*
14. *Stewart H. Legality and Morality in H.L.A. Hart's Theory of Criminal Law // SMU Law Review. – 1999. – Vol. 52, No. 1. – P. 211 – 218.*
15. *Hart G.L. Law, freedom and morality / translated from the English by S. Moiseev. – M.: Publishing House of the Gaidar Institute; 2020. – 136 p.*
16. *Beccaria Ch. About crimes and punishments / comp. and the preface of V.S. Ovchinsky. – M.: Infra-M, 2004. – 184 p.*
17. *Mill D. About freedom. – Moscow: Yurayt, 2023. – 128 p.*
18. *Tagantsev N.S. Russian criminal law. Lectures. The General part. In 2 vols., Vol. 1. – 2nd ed., revision and supplement – St. Petersburg: State Type, 1902. – 823 p.*
19. *Foucault M. To supervise and punish. The birth of prison / translated from the French by V. Naumov; edited by I. Borisova. – M.: Ad Marginem, 1999. – 479 p.*
20. *Alikperov H.D. Can the criminal law be moral // Criminal law and morality: collection of mat. international. sci. -Practical conference (Moscow, September 29, 2021) / ed. by T.Ya. Khabrieva. – M.: Institute of Legislation and Comparative Jurisprudence under the Government of the Russian Federation: Publishing House Jurisprudence, 2022. – pp. 41-47.*

Информация об авторе:

Чирков Филипп Викторович, кандидат юридических наук, Заслуженный юрист Кубани, доцент кафедры теории и истории государства и права, конституционного строительства и политологии ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет»; докторант кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», Fil-chirkov@mail.ru
Philip V. Chirkov, Candidate of Law, Honored Lawyer of Kuban, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Constitutional Construction and Political Science of the Adygea State University; Doctoral student of the Department of Criminal Law and Criminology of the Kuban State University